

КУВЕИТ И ЭМИРАТЫ: СХОДСТВО И СВОЕОБРАЗИЕ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ

А. А. МЕЛИКЯН (Москва)

Две страны—Кувейт и ОАЭ очень близки по многим параметрам: примерно одинаковая численность населения—около 1,5 млн. человек, огромные нефтяные богатства, высокий уровень национального дохода на душу населения, принадлежность к одной и той же региональной организации—Совету сотрудничества, один и тот же диалект разговорного языка, сходные традиции в быту, одежде, фольклоре. Основным источником нынешнего богатства как Кувейта, так и ОАЭ является нефть. Несмотря на то, что по запасам нефти Кувейт, по данным на середину 1987 г., более чем вдвое опережает ОАЭ, Эмираты добывают нефти столько же, сколько и Кувейт, а в отдельные годы и больше (в 1987 г.—70 и 60 млн. т. соответственно). Именно благодаря форсированному экспорту нефти Эмираты существенно опережают Кувейт по объему валового внутреннего продукта (29 млрд. долл. и 20 млрд. долл. в 1985 г.) и почти вдвое—по уровню национального дохода на душу населения (20 тыс. долларов и 12 тыс. долл. в год)¹. Та же тенденция проявляется и в большей, по сравнению с Кувейтом, доле валового внутреннего продукта, направляемой в ОАЭ на валовые капиталовложения (30% по сравнению с 20% в Кувейте), причем значительная часть указанных средств используется в жилищном и гражданском строительстве, а также в создании инфраструктуры.

Однако наиболее ярко дифференциация в концептуальном подходе Кувейта и ОАЭ к вопросу о том, как распорядиться своими деньгами, проявляется в том, что Эмираты, получая более высокие доходы от экспорта нефти, сумели накопить значительно меньше финансовых резервов (большая часть которых вложена в иностранные банки и акции иностранных компаний): 62 млрд. долл. и 83 млрд. долл. по официально неподтвержденным оценкам, в том числе иностранные активы—40 и 55 млрд. долл.²

Кувейтское руководство, наряду с политикой частичного законсервирования своих нефтяных запасов, настойчиво и целеустремленно наращивает размер своих государственных авуаров, и в первую очередь—заграничных. Государственные активы распределены между государственным генеральным резервом и резервным фондом для будущих поколений. На созданный в 1976 г. резервный фонд будущих поколений приходится около 2/3 общих государственных авуаров. На счет фонда в законодательном порядке переводится ежегодно 10% доходов Кувейта от нефти, которые являются неприкосновенными вплоть до 2000 года, причем все доходы от этих средств реинвестируются с целью увеличения капитала фонда, в отличие от средств государственного генерального резерва, которые могут использоваться для покрытия дефицита госбюджета.

¹ UN ESCWA. Survey of economic and social developments in ESCWA Region 1985.

² UAE Economic and Commercial Report, June 1986 (Bank of Credit and Commerce International). Kuwait Economic Report 1986 (Lloyds Bank).

Что касается ОАЭ, то их государственные авуары формируются только за счет средств эмирата Абу-Даби и ими распоряжается Инвестиционное управление Абу-Даби. Здесь нет такой, как в Кувейте, четко сформулированной и претворяемой в жизнь общегосударственной стратегии зарубежных инвестиций, тем более, что по второму по значению эмирате, Дубае, государственных (публичных) резервов не образуется, поскольку нет разделения между личными доходами членов правящей семьи государственной казной Эмирата.

Таким образом, несмотря на совпадение многих объективных экономических условий Кувейта и ОАЭ, явные различия в концепции экономического развития, в стиле руководства экономикой существуют, и эти различия, на наш взгляд, могут быть объяснены в значительной мере особенностями политической структуры и исторического развития ОАЭ. Действительно, политическая структура ОАЭ уникальна. Во всем мире можно назвать только одну, помимо Эмиратов, страну—Малайзию, которая была бы республикой на федеральном уровне и монархией—на уровне отдельных участников федерации. ОАЭ—это федеративное государство, состоящее из 7 эмиратов (княжеств)³, возглавляемых абсолютными монархами. Однако на федеральном уровне глава государства—президент—это выборная должность, он избирается на 5 лет членами Верховного федерального совета из своего состава, в который входят 7 монархов. С момента образования федерации пост президента занимает правитель Абу-Даби Заид бен Султан Аль Нахайян.

Интересно попутно заметить, что, являясь монархами, правители ряда арабских государств региона Персидского залива (Кувейта, ОАЭ, Бахрейна, Катара) титулуются не королями, а принцами (эмирами) и князьями (шейхами), что на ступеньку ниже в феодальной иерархии. В то же время в Саудовской Аравии монарх именуется королем, а его братья и сыновья—принцами. Тем не менее, эмиры небольших прибрежных государств полностью суверенны и свою независимость очень строго блюдут. Именно по этой причине эмиры Катара и Бахрейна отказались войти в 1971 г. в состав вновь созданного федеративного государства—ОАЭ, несмотря на то, что они принимали участие в предварительных переговорах по указанному вопросу. Однако даже в составе ОАЭ каждый из входящих в федерацию эмиратов сохраняет значительную автономию. По действующей временной конституции, каждый эмират пользуется самостоятельностью в таких существенных областях, как налогообложение, землевладение и землепользование, нефтедобыча. Вопросы же охраны правопорядка, иммиграции, обороны, электричества и других коммунальных служб, социального обеспечения и образования относятся к компетенции федеральных органов. На практике унификация иммиграционных служб, полиции, вооруженных сил весьма условна, так как по крайней мере крупнейшие эмираты имеют свои независимые гвардии, полицию, собственные службы иммиграционного контроля, с другой стороны, независимость более мелких, северных эмиратов (Рас-эль-Хайма, Аджмана, Фуджейры, Умм-эль-Кайвана и в определенной мере—Шарджи) имеет номинальный характер, в силу их финансовой зависимости от эмирата Абу-Даби. Именно финансовая помощь Абу-Даби явилась и является цементирующей силой, которая способствовала созданию федеративного государства, сплочению более бедных эмиратов вокруг богатого нефтью Абу-Даби. Абу-Даби—источник доминирующей доли

³ Абу-Даби, Дубай, Шарджа, Рас-эль-Хайма, Аджман, Фуджейра, Умм-эль-Кайван.

федеральных бюджетных доходов—около 3/4, кроме того северным эмиратам предоставляются безвозмездные субсидии на финансирование их местных бюджетов, строительство объектов инфраструктуры. Проявление особой щедрости со стороны этого эмирата и федеральных институтов в целом объективно обусловлено задачей нейтрализации центробежных тенденций в условиях весьма слабой федеральной структуры. Немаловажную роль в формировании более расточительной экономической концепции (по сравнению с Кувейтом) играет также и такое обстоятельство, как необходимость содержания семи монархических дворов, семи местных правительств, создания надстроечных, престижных структур в каждом из семи эмиратов.

Если меньшие и более бедные эмираты заинтересованы в федерации в первую очередь из-за возможности получения существенной финансовой помощи, т. е. из-за недостатка средств, то фактором, подтолкнувшим эмираты Абу-Даби и Дубай⁴ к объединению, был, напротив, избыток средств, в первую очередь—у Абу-Даби, при крайне малой численности коренного населения. По приблизительным оценкам, численность коренных жителей Абу-Даби составляет несколько более 100 тыс. человек, а Дубая—около 60 тыс. Вполне объяснимы в этих условиях опасения правителей Абу-Даби и Дубая по поводу уязвимости своих княжеств, весьма ограниченных, ввиду малой численности коренного населения, возможностей защиты своего суверенитета и ресурсов, способных привлечь взоры более населенных соседей. Оптимальным выходом из этой ситуации явились стремление к объединению с соседними небольшими государствами и готовность делиться с ними частью своих нефтяных доходов. Помимо прочих факторов, способствовавших созданию федерации, можно также упомянуть и родственные связи правящих семей Абу-Даби—Нахайянов и Дубая—Мактумов, которые принадлежат к одному племенному союзу Бани Я'ас.

Наряду с факторами, объединяющими интересы семи эмиратов, между ними существуют трения, связанные с несовпадением, а подчас и столкновением интересов отдельных эмиратов. Основными узлами противоречий между входящими в ОАЭ эмиратами являются проблемы дальнейшего укрепления централизованной федеральной власти и распределения федеральных средств.

В настоящее время прерогативы федерального правительства весьма ограничены. Основные правительственные посты распределяются между представителями различных эмиратов, главным образом из правящих в них семей. Прерогативы многих федеральных министров имеют номинальный, церемониальный характер. Так, хотя министром обороны является один из сыновей правителя Дубая, решения о военных закупках фактически принимаются эмиратом Абу-Даби без учета мнения Дубая. Принятие каких-либо решений в министерствах является чрезвычайно трудоемким процессом, вследствие чего ряд постов федеральных министров остаются вакантными. В целом роль и значение федерального правительства менее значительны, чем правительств двух крупнейших эмиратов.

Отдельные эмираты, составляющие ОАЭ, в разной степени заинтересованы в укреплении центральной власти. В пору образования федерации (1971 г.) эмират Абу-Даби почти вдвое уступал Дубаю по численности населения, хотя и был более богат нефтью, и следовательно, деньгами. Тогда в Абу-Даби проживало 30 тыс. человек, а в

⁴ Доходы Абу-Даби и Дубая от экспорта нефти и нефтепродуктов в 1987 г. составили 6 млрд. долл. и 2 млрд. долл. соответственно (Financial Times, 24. III. 1988).

Дубае—60 тыс., и Абу-Даби был заинтересован в объединении не только с точки зрения укрепления своей стратегической стабильности, но и с учетом того, что Дубай в то время был практически единственным окном во внешний мир. Через Дубай шел весь импорт товаров в ОАЭ, это был центр деловой активности, в том числе в сферах банковской деятельности, реэкспортной торговли с Ираном.

Вступление Дубая в федерацию было обусловлено в значительной степени расчетами активизировать роль эмирата как торгового центра всего южного побережья Персидского залива. Эти расчеты оправдались—через дубайский порт Рашид проходит от двух третей⁵ до 90% импорта ОАЭ, аэропорт Дубая является наиболее загруженным из всех аэропортов страны, Дубай также лидирует и по объему розничной торговли. Между тем, за почти два десятилетия независимого развития Абу-Даби превзошел Дубай и по численности населения и по созданной инфраструктуре и промышленному потенциалу. На конец 1985 г. население Абу-Даби, составив 670 тыс. человек, превышало численность населения Дубая почти на 250 тыс., составляющего 419 тыс⁶. В таких условиях естественным является стремление Абу-Даби к укреплению централизованной федеральной власти, что одновременно послужило бы повышению роли эмирата как экономического центра федерации. Однако попытки расширить полномочия федеральных ведомств встречают сопротивление Дубая. Так, согласно договоренности между правителями семи эмиратов, каждый из них должен вносить в федеральный бюджет 50% своих доходов от нефти. На практике регулярные взносы осуществляет лишь Абу-Даби, правительство же Дубая делает только частичные спорадические взносы, мотивируя свою позицию тем, что Дубай лишен возможности контролировать расходы федерального бюджета. Показателем наличия разногласий между двумя главными эмиратами являются неудачные попытки унифицировать вооруженные силы, авиаперевозки (в 1985 г. Дубай создал собственную авиакомпанию «Эмирейтс», конкурирующую с «Галф эйр»—совместной авиакомпанией ОАЭ, Омана, Катара и Бахрейна). Наиболее активное противодействие Дубая встречают все предложения поставить под федеральный контроль нефтяные ресурсы Эмиратов. Более того, Дубай отказывается даже от выработки согласованной нефтяной политики, в результате чего Абу-Даби в одиночку приходится выполнять взятые на себя перед ОПЕК (организация стран-экспортеров нефти) обязательства по ограничению нефтедобычи в рамках определенной для ОАЭ квоты. Источником трений является и тот факт, что преобладающая часть импорта страны проходит через Дубай, в то время как прекрасно оборудованный глубоководный порт Заид эмирата Абу-Даби пустует. Тем не менее, объявленное в конце 1987 г. решение Абу-Даби о запрещении использования дубайских портов для приема грузов, предназначенных Абу-Даби, в силу не вступает.

Что касается северных, более слабых с экономической точки зрения эмиратов, то они объективно заинтересованы в укреплении федерации и дальнейшем сближении между эмиратами, надеясь на более равномерное распределение в этом случае нефтяных доходов богатых эмиратов Абу-Даби и Дубая. Это не означает, однако, что правители указанных княжеств готовы отказаться от своих полномочий и прав.

⁵ UAE Economic Report 1985 (Lloyds Bank).

⁶ United Arab Emirates 1971—1986. Fifteen years of Progress (Financial Times, 24. III. 1988).

Подобная внутренне противоречивая позиция отчетливо проявилась в недавнем политическом кризисе в эмирате Шарджа. Представители этого эмирата были самыми горячими сторонниками укрепления центральной власти, ликвидации внутренних границ в ОАЭ, обобществления нефтяных богатств. Такая позиция, совпадающая с интересами Абу-Даби, способствовала получению Шарджой щедрого потока финансовой помощи от Абу-Даби, которая и помогла быстрому созданию инфраструктуры этого эмирата. Однако сокращение получаемой помощи и разработка собственного газоконденсатного месторождения обусловили существенные сдвиги в позиции Шарджи, которая все чаще принимает сторону центробежных сил, в первую очередь Дубая. И когда в июне прошлого года в Шардже произошла попытка сместить правителя Султана аль-Касими, Абу-Даби и Дубай резко разошлись в оценке этого события. Если Абу-Даби поддержал смену правителя, отошедшего от идеи сильной федеральной власти, то Дубай использовал все имеющиеся у него возможности для восстановления статус-кво и, настояв именно на таком решении проблемы, укрепил свои позиции во внутренней политике Эмиратов.

Было бы, однако, неверным представление, что имеющиеся между эмиратами трения и разногласия представляют собой основную проблему, тревожащую правящие круги страны. Каждый из двух основных эмиратов, проводя свою политику, переживает пору экономического процветания. Более того, многообразие условий и тенденций развития отдельных эмиратов-членов ОАЭ, частые контакты между их правителями и установившийся между ними осторожно-уважительный стиль общения позволяют в ряде случаев избрать оптимальный вариант решения тех или иных проблем.

И вместе с тем есть другая проблема, которая пронизывает все сферы жизни общества не только Эмиратов, но в такой же степени и Кувейта, Катара, Бахрейна. Эта проблема связана с опасностью потери национального облика обществом этих стран. Огромные нефтяные доходы, осуществление амбициозных экономических проектов привлекли в эти страны большое количество иностранной рабочей силы. Коренные жители превратились в меньшинство, доля которого в общей численности населения не превышает 35—40%, а в общей численности рабочей силы—25%. На улицах Эль-Кувейта, Абу-Даби и Дубая гораздо труднее увидеть местного жителя, чем выходцев с Индостанского полуострова (Индия, Пакистан, Бангладеш), т. е. регионов, население которых этнически не связано с коренными жителями стран Персидского залива. На выходцев из этих регионов ориентированы специализированные банки, магазины, учреждения быта и даже видеотеки, полностью укомплектованные индийскими и пакистанскими фильмами. Но больше всего удивляет другое—практически невозможно встретить (по крайней мере, в Эль-Кувейте, Абу-Даби и Дубае) местных жителей, работающих в сфере торговли и обслуживания. В то же время владельцами, хозяевами всех магазинов, лавок, мастерских и даже частных такси являются коренные жители. Дело в том, что за лицами, имеющими гражданство этих стран, законодательно закреплена привилегия владеть домами, земельными участками, магазинами, такси, в то время как иммигранты могут быть лишь совладельцами компаний (не более 49% общего капитала), наемными рабочими и служащими. Естественно, что подобная система привилегий дает почву для ускорения потребительских настроений у коренных жителей, которые, используя свое положение, имеют возможность присваивать часть прибыли, даже не вкладывая своего капитала, не говоря уже о

трудовом вкладе. А это в значительной мере ослабляет стимулы частнопредпринимательской инициативы местного частного сектора и, следовательно, отдаляет перспективу создания самообеспечивающего и самовоспроизводящегося общества в этих странах в посленефтяную эпоху. В целом надо сказать, что эти отдаленные тревожные перспективы на фоне неожиданно хлынувшего потока нефтепродуктов вызывают ощущение нереальности происходящего.

Что касается составляющего большинство населения Кувейта и ОАЭ иммигрантов, то у них весьма мало оснований ощущать стабильность и уверенность. Лишенные права владеть недвижимостью, они также не имеют права менять место работы без согласия предыдущего работодателя под угрозой высылки из страны, в некоторых случаях срок их пребывания в стране официально ограничивается, и по его истечении они переходят на полулегальное положение. Конечно, в этом случае трудно говорить о социальной справедливости, однако можно понять и интересы коренных жителей, которые вовсе не заинтересованы в кардинальном изменении этнического состава населения своих стран. Кроме того, следует учесть, что иммигранты приезжают в страны залива совершенно добровольно с целью подзаработать, а при возвращении на родину значительная часть из них открывает свое дело, так что взвешивая на одних весах высокую заработную плату, во много раз превышающую возможный их заработок на родине, и ограничение своих прав, они, вероятно, сознательно выбирают первую.

Однако ощущение ирреальности и нестабильности возникает не только у заезжих наблюдателей и иммигрантов. Этим же озабочена и местная элита, которая даже в ходе «пира во время чумы» в неспокойном и нестабильном регионе всегда помнит о неблагоприятных футурологических сценариях.

Несмотря на недавнее заявление министра нефти ОАЭ М. Отейбы о том, что ОАЭ станут той страной, где будет добыт последний баррель нефти в мире, указанная перспектива весьма удручает руководящие круги как ОАЭ, так и Кувейта и других стран региона.

ՔՈՒՎԵՅԹԸ ՈՒ ԷՄԻՐԱՏԻՆԵՐԸ. ՏՆՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՆՄԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՈՒ ՅՈՒՐԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Ա. Ա. ՄԵԼԻԿՅԱՆ (Մոսկվա)

Ա մ փ ո փ ո մ

Չնայած բնական պայմանների, տնտեսության զարգացման օբյեկտիվ ընթացքի մեծ նմանությանը, պատմական ճակատագրերի, լեզվի, ավանդույթների ու սովորությունների ընդհանրությանը, Գոալեյթն ու Էմիրությունները փնտրում են իրենց տեղը համաշխարհային քաղաքականության մեջ և տնտեսական զարգացման առումով զգալիորեն տարբերվում են: Դրա ուսումնասիրությունը հնարավորություն է տալիս այդ նավթարդյունահանող հարուստ երկրներից յուրաքանչյուրի մասին համընդհանուրից զատվող անհատական պատկերացում կազմել: Այդ երկրները հսկայական ջանքեր են գործադրում անկենդան անապատները ծաղկող օազիսների վերածելու համար, բախվելով լուրջ ժողովրդագրական, ազգագրական և սոցիալ-տնտեսական պրոբլեմների: